

*Одетте Кальтенбах, моему «Плезиозавру».
Квебекицу Бернару Ландри из Вершера
и Мосси Ноага Уэдраого из Тензиенго,
под чьей сенью я выросла...*

БЛАГОДАРНОСТИ

В Риме: Кристиану Массе, послу Франции; Клеру Раулину, советнику-посланнику посольства Франции; Жану-Шарлю Скокару, начальнику отдела безопасности дворца Фарнезе; Анне Кротофф-Губерти, заместителю генерального секретаря Французского института Рима; доктору Марко Грилли, секретарю префектуры секретных архивов Ватикана; доктору Раффаэлю Питтеллу и Винченцо Де Мео из Государственного архива Рима.

В Неаполе: Джиджи Ди Фьору.

В Гаэте: Монике Марцулло из ассоциации *Pro Loco Gaeta*; Лоренцу Марандоле, администратору *Centro Guide Turistiche*, и Линде Контрерас.

В Аричче: Сюзанне Жирадин.

В Милане и Каннах: Меррику Каттету.

В Мюнхене: доктору Клаудии Клаусс и профессору Фолькеру Клауссу; доктору Бенита Бернингу, нотариусу архива архиепархии Мюнхена и Фрайзинга; господину Мартину Баару из прихода св. Бонифация.

В Аугсбурге: сестре Бенедикте Хинтерсбергер («Приорин») и сестре Элеоноре Вайс из доминиканского монастыря Святой Урсулы.

В Брюсселе: отцу Люку Терлиндену и Клод-Анне Шрейден из прихода Сент-Бонифас.

В Париже: Фредерику Миттерану, бывшему министру культуры и коммуникаций; Альберту Тоскани; Эрику Менсион-Риго, профессору социальной и культурной истории Университета Париж-Сорбонна; Фабрису д'Альмейду, профессору современной истории Университета Пантеон-Ассас; Эрику Ансо и Адриану Гетцу, преподавателям Университета Париж-Сорбонна; Бруно Нугайреду; Аньес Видали; Жоэлю Верону-Дюрану; Валери Дюмейж; Доминику Миссику; отцу Бруно Хорайсту из прихода Магдалины и Ксавье Лефевру из прихода Сент-Огюстен; сотрудникам дипломатических архивов Министерства иностранных дел, Национального архива (Париж и Пьерфит) и архива Парижа; Муниру Мускильо и Гийому Винару.

В Гарреваке: Кину, Каролине и Пьеру-Александрю.

И везде Клементине и Маржолене Портье-Кальтенбахам.

ПРОЛОГ

*Память предков — это архив народов и генеалогия
мира. Так пускай же у каждого будет своя память,
пусть каждый сохранит имя и историю своих отцов.
Он должен завещать их потомкам как свое главное
богатство.*

Жак Буше де Пертес. Мнение мсье Кристофа *

*Живым мы обязаны уважением,
мертвым мы обязаны только правдой.*

Вольтер. Эдип

* Perthes Jacques Boucher de. *Opinion de M. Cristophe. Sur les prohibitions et la liberté du commerce.* Partie 1. Treuttel et Wurtz, 1831.

В НАЧАЛЕ БЫЛ ГАРРЕВАК

Элен, моя прабабушка, долгое время не знала, что Дэзи была тайной племянницей Сисси. В детстве она смотрела на свою кухню без удивления, не пытаясь разгадать ее секрет. Единственное, что она хотела знать, — это дату и время ее прибытия на близлежащую станцию Ревель. Для нее не существовало ни хорошей прогулки, ни достойного времяпрепровождения, ни солнца в Гарреваке без той, что была ее самой близкой и лучшей подругой.

Гарревак — это старинный фамильный замок на юге Франции, расположенный посреди равнины, которая граничит с холмами Пюилорана и простирается до Монтань-Нуара; край, где дует теплый южный ветер, земля обетованная, где живут в свое удовольствие и наслаждаются всеми возможными гастрономическими изысками. В этом уголке юго-запада люди все еще налегают на фуа-гра, добавляя его во все блюда, в закуски, в пироги, в мясной фарш, в птицу с трюфелями. Я до сих пор слышу, как мои тети со свойственной им словоохотливостью и сочным акцентом заявляют, что все это никогда не вредило ни их фигуре, ни их здоровью. Что касается замка с его розовыми фасадами и острыми крышами — он совсем не изменился. Он все такой же, каким его знали Элен и Дэзи. Конечно, он уже мало похож

на цитадель времен религиозных войн. Однако под его уютным обликом кроются крепостные стены XV века и следы сражений виконта Тюренна. Его остов так же стар, как и величественный дуб, растущий перед ним и по праву занимающий первое место среди прочих деревьев парка. Вот уже полтысячи лет эти двое приглядывают друг за другом, как фарфоровые декоративные собачки, на земле Лорагуэ.

По стечению обстоятельств, связанных с наследованием и превратностями любви, этот дом попал в руки католиков. Однако в жилах моих кузин все еще течет старинная кровь еретиков. Наша семья, альбигойский* род с незапамятных времен, приняла Реформацию 1550 года. Она должна была вскоре завладеть землями Гарревака. Каждая провинция, каждая епархия по-прежнему были очагом гражданской войны. И, как мы склонны весьма часто забывать, эти годы религиозного противостояния ввергли Францию в хаос и непоправимую неразбериху, описанную Аленом Пейрефитом в его книге «Зло по-французски» (*Mal français*).

Мои кузины ухаживают за этим замком так же, как они баловали бы крепкого старика, и даже с еще большей любовью, ведь его долгая история слилась с их собственной. Это задача не из легких: пятисотлетний дом требует постоянного ремонта. Три зимы назад, чтобы заручиться поддержкой государственных органов и любителей старых зданий, они создали ассоциацию и попросили меня возглавить ее. Казалось, мои покойные близкие напоминали мне о себе с небес. Они привили мне дух семьи, то звено, что объединяет и связыва-

* Альбигойцы — христианское движение XII-XIII вв., признававшее изначальный дуализм мира, управляемого в равной мере силами добра и зла, объявленное ересью и уничтоженное католической инквизицией.

ет воедино поколения, судьбы, радости и несчастья. И к тому же это предложение моих дорогих отступников напоминало своего рода покаяние. Это гугенотское руководство успокоило бы наших предков, которые лежат в глубине парка, под сенью лиственной ограды.

Наша ассоциация ставит перед собой цель инвентаризировать выцветшие пергаменты, по которым можно проследить историю рода и которые слишком долго томились в замковой башне. В XIX и XX веках наши предшественники ограничивались лишь тем, что принесли в салоны несколько украшений, подписанных королевским секретарем. В остальном же наши предшественники, похоже, проявляли некоторое безразличие к этим свидетельствам семейного прошлого. Несомненно, древние письма доступны лишь палеографам. Факт остается фактом: если вам улыбнулась удача и вы владеете документами предков, охватывающими более двадцати поколений, то ваш святой долг — вернуть их к жизни, прежде чем они станут жертвой плесени или мышей. Вы желаете этого, так как вы вдобавок убеждены, что все эти накопленные воспоминания представляют собой некую таящуюся глубоко внутри нас область, которую еще предстоит открыть.

Подписание нашего устава «1901» и экзальтация от нескольких бокалов шардоне подтолкнули меня извлечь Дэзи из тьмы забвения.

В конце концов она тоже была частью истории замка. Хотя наши предки благочестиво хранили ее тайну, раскрыть ее по прошествии 150 лет уже не казалось мне угрозой для священных прав общественной морали. Напротив, я собиралась способствовать отпущению грехов и успокоить благотворным бальзамом некоторые покаянные души, погребенные в забвении.

ДАЛЕКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Именно дочь Элен, моей бабушки по отцовской линии, рассказала мне о существовании таинственной племянницы Сисси*. И, по правде говоря, именно ради нее я собиралась приступить к этому исследованию.

Бабушке было девяносто семь лет, когда она впервые подробно рассказала мне об этом. Таковы протестанты (каждый кокетлив по-своему): они любят похвалиться рабами на галерах и своими пасторами, сожженными на кострах. Куда реже они тщеславно распространяются о мирской суете. Хотя моя бабушка рассказала мне все о наших мучениках времен гугенотов, я не знала ни об одном из ее многочисленных воспоминаний о жизни фаворитки. Она родилась в 1900 году, прожила свой век с неиссякаемой энергией, а затем угасла, как свеча, накануне своего столетия.

За два года до ее смерти мне пришла в голову хорошая идея взять интервью у моего «Плезиозавра». Мы встретились в «Ростане», парижском кафе, расположенном напротив Люксембургского сада. Я прибыла первой и старалась учуять запах ее

* Сисси — уменьшительное имя герцогини Амалии Евгении Елизаветы Баварской (1837-1898), супруги австрийского императора Франца Иосифа I.

«Калеш» — этих духов марки «Гермес», у которых такой пьянящий и тяжелый аромат, что я задавалась вопросом: не приведет ли это однажды к краху этого очаровательного остатка затонувшего мира? Вдруг появилась она, все такая же безупречная, с напудренным носом и тростью Дерби в одной руке, а в другой — с лакированной сумочкой, в которой в любое время года лежали футляр для пудры и пара шелковых или лайковых перчаток. Бабушка была маленьким шедевром цивилизации. Она обладала живым и игривым умом, врожденной склонностью к озорству, отвращением к педантизму и прежде всего простотой женщин того мира, о котором говорил Барби д'Оревильи, — той простотой, которая передается по наследству, которая очень мудра и глубока, в которой смешиваются и примиряются между собой искусство и естественность. Это ни в коей мере не мешало бабушке давать волю ее инстинктам доминирования. Она умела испепелить взглядом тех, кто не проявлял достаточно поспешно положенную вежливость. Официанты кафе быстро это поняли. Они стояли навытяжку и подавали ей бумажные салфетки, необходимые для моей работы мемуаристки.

Восемьдесят лет назад эта старушка, морщинистая, как перезрелое яблоко, испытала на себе исступленную атмосферу Монпарнаса в «ревушие 20-е». Она носила Mitsouko, ожерелья до пояса и шляпку «клош», надвинутую на бледные глаза. Она проводила послеобеденное время, рисуя обнаженную натуру в студии Гранд Шомьер или делая наброски углем, запечатлевая посетителей Кафе дю Дом или «Ля Куполь». Это было сразу после Первой мировой войны; ее мать Элен, кузина Дэзи, только что скончалась после продолжительной болезни в замке Гарревак. Не зная, как утешить ее, отец позволил ей поступить в Академию Джулиана на улице Берри, которая затем переехала на

улицу Драгон. И вот так случилось, что в этом мире всевозможных приличий и условностей, в Париже, все еще застрявшем в XIX веке, эта молодая кальвинистка обрела свободу и могла сколько ей было угодно посещать различные зланные места, куда забредали Фицджеральды, Фуджита, Кислинг и Ман Рэй.

Ее истории были тем более привлекательны, что она была одарена исключительной памятью, упорядоченным умом, который методично классифицировал воспоминания, фамилии, имена и даты: смерть опекунов ее бабушки на набережной Вольтера в Париже, во время большого наводнения 28 января 1910 года; испанский грипп в 1918 году; пение «Тэ Дэум» в Нотр-Дам, через шесть дней после перемирия*; визит в Лондон с соболезнованиями Диккенсам** в память о молодом Седрике, погибшем в битве при Льюз-Вуде; поездка в Соединенные Штаты, чтобы вручить американцам копию статуи Призывника из Политехнического института; спуск по Потомаку на борту «Сильфиды», яхты Вудро Вильсона, по пути в Вест-Пойнт, на ужин в доме Макартура, где она сидела рядом с генералом Першингом***; импровизированное возвращение на военно-морском судне в компании короля и королевы Бельгии; уроки акварели с будущей герцогиней Кентской; вечера в отеле «Ламберт» с князем Чарторыйским; добрые дела ее отца с Коко Шанель и принцессой Гика (она же Лиана де Пуги); обморок в объятиях Сименона в Дельфзиле, на борту корабля «Острогот»... И подумать только, что она собиралась меня покинуть, не рассказав мне всего этого.

* Перемирие — соглашение о прекращении военных действий в Первой мировой войне, заключенное в 1918 году между Антантой и Германией.

** Сэр Генри Филдинг Диккенс и его жена Мэри.

*** Главнокомандующий американскими экспедиционными силами.

В разгар этого фейерверка, достойного краткого описания в журнале *L'illustration*, речь зашла о тайной дочери сестры императрицы Сисси. Несмотря на великолепии своего происхождения, эта маленькая полуфранцузская, полубаварская католичка совсем не привлекла моего внимания. Дэзи осталась в XIX веке, это было поколение моей прабабушки Элен: в нем не было того аромата воспоминаний, что исходил от свидетельницы «ревущих 20-х», сидевшей прямо передо мной во плоти. Поэтому я довольствовалась тем, что подвела итог жизни этого загадочного ребенка на нескольких свободных листах бумаги. С тех пор они затерялись в моих переездах. Это не имело значения, думала я, так как была уверена, что сохранила в памяти основную информацию. Дэзи была плодом любовной связи между королевой Неаполя и нашим кузеном, Эммануэлем де Лавасис (произносится как Лава-и-с), французом, поступившим на службу в папские зуавы в Риме в начале 1860-х годов. На следующий день после своего рождения девочка была доверена отцу. Однако связь с августейшей матерью никогда не прерывалась, поскольку мать и дочь тайно встречались каждый год в Поссенхофене, в Баварии. К сожалению, Дэзи очень рано умерла от туберкулеза. Насколько я помню, парижская пресса была поражена присутствием государыни на похоронах безвестной девушки в церкви Магдалины. Последнее воспоминание — День всех святых: Элен, моя прабабушка, а позже и моя бабушка никогда не забывали прийти и положить цветы на могилу своей кузины. Таково было содержание моих воспоминаний...

Я поделилась этой информацией десять лет спустя на сайте, посвященном Габсбургам. Мы летели в Тулузу с моим братом и его дочерьми на семейный юбилей в Гарреваке. Чтобы привязать моих племянниц к этому дому, я с избыточным красно-